

РЕЦЕНЗИИ

Поэтические энигмы: стихотворения Ли Бо в переводах Сергея Торопцева

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2005

Да, такая книга [*Ли Бо. Дух старины. Поэтический цикл. М., 2004*] должна была появиться. И будет жаль, если читатели обойдут ее своим вниманием, ссылаясь на «тяжкий опыт» знакомства с существующими поэтическими переводами. И повторяя вслед за А.Н. Радищевым: «Стихотворство у нас... в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень» [*А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1981. С. 152*]. Можно, конечно, сослаться на то, что этот пень стихосложение обошло, даже увернулось от него, но трудно забыть о еще одном ядовитом замечании А.Н. Радищева, сеговавшего, что «треух на Вергилия надет ломоносовским покроем» [Там же. С. 153].

На старокитайскую поэзию также надет свой треух – треух Шуцко-го и его последователей. Именно этот треух Сергей Торопцев попытался (и умело) снять, понимая, что он окончательно износился. Союзником Сергея Торопцева в переводческом деле следует считать В.М. Алексеева, четко осознававшего необходимость убедительной стилизации, хотя она и «есть не что иное, как подделка, маскарад. Это есть коллективно препарированная традиция» [Воспоминания о Рахманинове. 3-е изд. М., 1967. С. 319. Точка зрения Н.К. Метнера]. Такой традиции у нас до сих пор нет, но ее будущие контуры очерчены Сергеем Торопцевым резко и отчетливо.

Во-первых, следует переводить стихи Ли Бо (и других китайских поэтов) строка в строку, не ссылаясь на сверхтесноту китайского поэтического текста, «диктующего» необходимость увеличения переводных строк вдвое.

Во-вторых, русскоязычные стихотворные версии сопровождать дословным переводом, дающим возможность другим переводчикам – китаистам и некитаистам – предлагать свои варианты истолкования исходного текста.

В-третьих, к подстрочным переводам прилагать комментарии, снимающие неизбежную «темноту» и оригинального / исходного, и переводного текста и позволяющие расширить поле поисков соответствий

тем лакунам (о них см., например [Лакуны в языке и речи. Благовещенск, 2003]), которые обязательно присутствуют в китайском поэтическом тексте.

В-четвертых, окружить переводной текст натурфилософским истолкованием (именно таковы четыре статьи четырех комментаторов, завершающие книгу), смягчающим энигматичность поэтического текста в его исходном и переводном вариантах.

Примечание. Особенно это важно в данном случае: 59 стихотворений Ли Бо – это не та лирика, к которой мы привыкли в чужих переводах. В ней мало винопития и пейзажных сцен, минимум любования и восхищения миром и максимум вопрошания о его сути. Короче говоря, это лирика мысли, орнаментированная отсылками к культуральным событиям и фактам, помогающим Ли Бо парафрастически оценивать прошлое и настоящее, себя и свое окружение. Между нами и этими событиями и фактами – внушительная культуральная и хроносическая дистанция, но Сергею Торопцеву удалось «сместить» наше представление о ней за счет тщательного и подробного разъяснения их смысла, варьирующегося по мере развертывания поэтического цикла («Духа старины»).

В-пятых, Сергей Торопцев считает необходимым – и это право нельзя отрицать – представить Ли Бо как поэта, любящего краесогласие (в переводах используются перекрестные и смежные рифмы). Хотя возможен и другой подход: перевод цикла белыми стихами, но он, по видимому, менее выгоден, ибо русский читатель склонен видеть поэзию лишь там, где видит рифму.

Примечание. Рифмованные стихи – добровольные пути. Они ограничивают вариативность дорифменного пространства и являются причиной версификационных сбоев (стилистических и эвфонических). Такие сбои наблюдаются, например, в переводах стихотворений № 6, 17, 18, 23, 24, 27, 29, 35. О сути этих сбоев говорить не буду: их нужно обсуждать с глазу на глаз, и не только оспаривая предложенные решения, но и предлагая свои.

В-шестых – и это самое главное, – Сергей Торопцев все свои силы и умения направил на то, чтобы дать читателю представление о коннотациях поэтического цикла Ли Бо, т. е. о том, что Р. Барт, например, считал истинным смыслом слова (см. [Ролан Барт о Ролане Барте. М., 2002. С. 131]). Думаю, что Сергей Торопцев согласится и с другими бартовскими «постулатами»: 1) «не так важен переносимый смысл и то, откуда и куда его переносят; важен – и служит основой метафоры – только сам перенос»; 2) «в письме местами всегда есть что-то скрытое. Движущая сила скрадывается, остается ее эффект – такой операцией вычитания и характеризуется эстетический дискурс» [Там же. С. 140, 158].

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2005. — Вып. 31. — 170 с. ISBN 5-317-01448-4

Напоследок еще два соображения. Первое: книга «Дух старины» — добротнейшая страница в б у д у щ у ю историю китайской литературы, в ту историю, которая рассказывает о странствиях духа китайских поэтов (и прозаиков), об их психотипическом своеобразии и личностных установках (может быть, и о них будут написаны книги, аналогичные той, которую написал В.И. Батов — «Владимир Высоцкий: психогерменевтика творчества» [М., 2002]?). Второе: я переиздал бы эту книгу. В ее нынешнем виде она придется по душе китаистам (и вообще востоковедам) и читателям-эстетам, собирающим поэтический антиквариат. Читателям с улицы / людям с улицы было бы достаточно переводов, представленных в первой части книги и снабженных минимальным количеством комментариев.

Два раза спасибо за книгу, Сергей.